

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СНЫ

Отрывки из воспоминаний художника и писателя Федора Стравинского о детских годах и об отце — выдающемся русском композиторе Игоре Стравинском (1882—1971). Полностью они публикуются в книге, которая готовится к печати в издательстве «Советский композитор».

1910 год. Зима. Молодой человек 27 лет, склонившись к трехлетнему малышу, подшучивая и напевая, весело скандирует: «Живо, живо кружку пива!», чтобы заставить малыша — согласно предписаниям медиков — выпить полную ложку бычьей крови. Маленькая игра повторяется за каждым завтраком, обедом и ужином, и страшная гадость поглощается... под музыку! Уже тогда Игорь проявляет по отношению к своему первенцу Федору трогательную отцовскую заботливость. Таково самое раннее воспоминание о моем отце Игоре Стравинском, которое сохранилось в моей памяти — памяти уже 60-летнего человека.

В Устилуге на Волыни, на дальнем юго-западе России, родители построили усадебный дом, где наша семья жила каждое лето до осени 1913 г., а зимой и поздней осенью вся семья с домашними отправлялась в Западную Европу. Летние месяцы, проведенные в Устилуге, восхитили меня. В ретроспективе я вижу мое детство залитым светом счастья. Перед родительским домом, особенно под окнами отцовского кабинета, было предписано сохранять тишину. Этот его рабочий кабинет, большую квадратную комнату, куда я любил проскользнуть, я помню и сейчас до мельчайших подробностей. Стены, увешанные картинами и фотографиями, высокий поупитр, бюро в стиле ампира с большими ящиками, перья и карандаши, линейки и стиральные резинки, разноцветные чернила в хрустальных флакончиках, скребочки всех калибров и форм, японские пресс-папье... сколько предметов, тем более привлекательных из-за того, что прикасаться к ним было запрещено. В этом-то священном месте, благодаря одной из гравюр, я однажды познакомился с Пушкиным. Перед портретом поэта отец объяснил мне, кто такой этот господин. Я узнал, что он был писателем. Фамилия Пушкин происходит от слова «пушка». Именно это обстоятельство произвело на меня самое сильное впечатление!

На рояле, за которым отец сочинил недавно «Фейерверк», предназначенный для исполнения в честь свадьбы дочери Римского-Корсакова, он всегда держал находящуюся в работе партитуру. Движимый настоятельной потребностью в прямом контакте со звучащей материей, Стравинский, как известно, всю жизнь будет создавать музыку, сидя за пианино или роялем.

Всем своим многочисленным временным пристанищам отец умел придавать обжитой вид и обеспечивать себе уединение, необходимое для творчества. Всю свою жизнь, куда бы он ни попадал, ему удавалось создавать вокруг себя свой собственный микроклимат. Самые безликие гостиничные номера оказывались отмеченными печатью его личности, я бы даже сказал, на них ставилась его подпись. Тогда даже стены говорили о том, что его волнует в данный момент: от образов высокой античности до лубочных картинок. Но в те годы в его кабинете почетное место занимают японские эстампы — искусство, которое европейская элита каждый раз по новому с увлечением открывала для себя. И Стравинский создает «Три стихотворения из японской лирики» для высокого голоса и рояля.

Я все еще вижу отца и рядом с ним облокотившегося на чугунную ограду балкона перед нашими окнами (отель «Шатляр») невысокого, безукоризненно одетого господина с горластым, как уголь, глазами, с густыми бровями и красивой, чуть серебрищейся шевелюрой. Я все еще слышу, как они оба насвистывают для садовых скворцов по 5, 10, 15 раз одну короткую музыкальную фразу, и кончается тем, что — к моей детской радости — скворцы отвечают им. Невысокий господин был не кто иной, как Морис Равель.

Общее пристрастие Равеля и Стравинского к японскому искусству и близкие художественные искания питали их дружбу. Оба музыканта несколько недель жили по соседству друг с другом и виделись ежедневно (весной 1913 г.). Только железная дорога отделяла отель «Горный хребет», где обосновался французский композитор, от отеля «Шатляр» (ныне разрушенного), где со своим семейством жил русский композитор. Уж не был ли создан этот край для музыкантов? Здесь долго живет Мендельсон, здесь Чайковский сочиняет «Орлеанскую деву», а в наше время Пауль Хиндемит проводит здесь последние годы своей жизни.

Что касается Стравинского, то он в отеле «Шатляр» завершает работу над «Весной священной».

А теперь не будет ли уместным восхититься той поразительной творческой силой, которая проявилась в 30-летнем музыканте? Разве не создает он за три года (1910—1913) три шедевра, которые возносят его на вершину славы? «Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная!» И при этом он, словно настоящий патриарх, полностью несет на себе бремя семьи, которой приходится постоянно кочевать с места на место. И он еще, помимо этого, находит время для своих многочисленных личных поездок: ведь он способен в любой момент присоединиться к Дягилеву и его труппе в Париже, в Риме, в Байрейте... Бурная премьера «Весны священной» состоялась, как известно, 29 мая 1913 г. в театре Елисейских полей в Париже. Там же несколько дней спустя у Стравинского обнаруживается брюшной тиф, который, казалось, приобретал все более угрожающий характер; эта болезнь очень встревожила родных и друзей композитора и вызвала у них серьезные опасения за его жизнь.

Лето этого года проходит, как обычно, в семейном

кругу в Устилуге. Там выздоравливающий Стравинский, «чтобы развлечься», сочиняет «Воспоминания о моем детстве» — три маленькие пьесы для голоса и рояля, которые он посвящает своим детям — Федору, Людмиле и Святославу Сулиме. Через 20 лет композитор сделает транскрипцию этих пьес для небольшого инструментального ансамбля.

Осенью возвращаемся в Кларан. И кто мог бы подумать, что на этот раз мы уехали из России навсегда, что Устилуг навек для нас потерян?

Наши родители в 1914 г. не захотели, вопреки установившемуся обычаю, вернуться на лето в Россию, но им и в голову не приходила мысль об определении всей нашей дальнейшей жизни последствием этого решения, в тот момент продиктованного лишь заботами о здоровье. Разразилась первая мировая война. Так как отец не подлежал мобилизации, он не был обязан возвращаться в Россию. Он увидит родную землю только после своего 80-летия... через 48 лет!

Для нас, детей, жизнь протекала в школьном ритме. Утром дома ходим на цыпочках... Стравинский сочиняет. Но вот горничная, забыв о требованиях соблюдать тишину, принимается напевать или же кухарка начинает насвистывать. Этого более чем достаточно, чтобы композитор начал метать громы и молнии, и матери приходится пускать в ход всю свою дипломатию, чтобы успокоить супруга... и сохранить прислугу. После обеда, в качестве компенсации, атмосфера смягчается. Чаще всего отец занимается оркестровкой, а рядом (мирные часы) мать до нашего возвращения из школы переписывает партитуры или клавиры. Затем следует урок русского языка. Пока я пишу под ее диктовку или читаю ей какие-то фрагменты, она при помощи маленького инструмента ловко набивает папиросные гильзы особым табаком, распространяющим свой аромат на весь дом. Эти папиросы очень по вкусу отцу.

И существует еще «Эспаньола» из Пяти легких пьес, неизбежно вызывающих в моей памяти (точно так же, как Три легкие пьесы) наше первое знакомство с пианино, первые, я сказал бы, «шаги» наших детских пальцев по клавиатуре, первое чтение нот. А также красивый бледно-голубой цвет стен в рабочем кабинете отца, где каждый из нас поочередно на 20 минут усаживался перед пианино на вращающемся табурете, который всегда был поднят настолько высоко, чтобы мы не могли прикоснуться ногами к педалям — мучительный соблазн! Наш преподаватель? Сам отец, Игорь Стравинский, подающий пример удивительного терпения на занятиях с маленькими учениками, а точнее — я склонен так думать и даже уверен в этом — образец врожденной терпеливости.

Однажды отец возвращается из поездки в Женеву, сияющий радостью оттого, что раскопал там венгерские цимбалы, редко встречающийся инструмент, о котором он с некоторых пор мечтал, желая ввести его в партитуру «Вайки про Лису», над которой он тогда работал. Здесь все та же неизменная потребность в непосредственном контакте со звучащей материей. Я и сейчас словно вижу появление в доме этого незнакомого предмета. Распаковав цимбалы во дворе, отец прямо там ударил по струнам, чтобы мы услышали; мы были заворожены этой игрушкой для взрослых, и каждому из нас было дозволено обновить ее. Но как только цимбалы заняли отведенное им место в отцовском кабинете, к ним не позволялось даже прикоснуться! Во времена работы над «Историей солдата» таким образом была приобретена целая батарея музыкальных инструментов. Большой барабан, если судить о нем по раскраске (чередование зеленых и белых треугольников), без сомнения, пришел к нам из духового оркестра какой-то воздушской деревни.

Родителям было мучительно жить без связей с родиной. Вполне понятная ностальгия — вот что, без сомнения, объясняет тогдашнее настоящее пристрастие композитора к народной русской поэзии, неисчерпаемые богатства которой он любовно изучает и использует в своем творчестве. Воистину работа над этим фольклором станет для него жизненно важным делом. «Прибаутки», «Кошачьи колыбельные», Четыре русские песни, «Свадебка», «Вайка про Лису» — не свидетельствуют ли все эти вокальные произведения о своего рода творческом завоевании русского фольклора?

Сюжет «Истории солдата» был заимствован из русской народной сказки. Отец любил рассказывать, как в одну из ночей 1918 г. во время его работы над «Историей солдата» ему приснилась прекрасная цыганка, сидевшая у своей кибитки. Кормя грудью младенца, молодая женщина играла на скрипке мелодию танго. «Это был единственный случай», — говорил Стравинский, — когда мне удалось запомнить и по пробуждении записать всю целиком музыкальную фразу, ясно услышанную во сне. Ведь музыкальные сны улетучиваются, как только проснешься!» Мелодия, сыгранная цыганкой, станет «Танго» в «Истории солдата». В афише было сказано, что это пьеса «читаемая, играемая и танцуемая». Три актера-танцовщика, тчет и семеро музыкантов — вот и все исполнители: материальные трудности того времени призывали к экономии. Таким образом, сами жизненные обстоятельства приведут композитора к созданию нового музыкального языка, соответствующего условиям трудностей и лишений.

В начале лета 1920 г. мы уехали из Швейцарии. И снова, в который раз в летописях нашей семьи, на черроне вокзала считают и пересчитывают свертки и чемоданы, но особенно, о! особенно важно не потерять из виду самый тяжелый и самый драгоценный из них — тот, в котором находятся уже весьма многочисленные рукописи Игоря Стравинского.